

Когда мать вошла к дочери, она увидела, какую колючку вынул монах, схватила хорошее полено и вышла подождать, когда монах, обойдя деревню, снова пойдет мимо. Завидев его, она спрятала полено за спиной, в другую руку взяла сыр и крикнула: «Господин Тилман, подойдите, вот вам еще сыр». Но монах заметил подвох и сказал: «Нет, матушка, мне лишнего не надо. Не в моих правилах принимать подаяние дважды из одних дверей». Тогда крестьянка погрозила ему поленом и сказала: «Счастлив твой Бог, монах, что ты не приблизился к моей двери. Уж я бы отблагодарила тебя за колючку».

Монах дал деру и больше не приходил в деревню за сыром; он не сомневался: мамаша ему кое-что припомнит.

21

О БЕГЛОМ МОНАХЕ, КОТОРЫЙ БЫЛ ПОБЕЖДЕН БУКВОЙ

Один беглый монах увлекся достохвальным искусством книгопечатания, дал себе слово освоить его в четыре года и, пробыв недолго в обучении, совсем распоясался, вмешивался в любой разговор; что бы люди ни говорили, он перечил им, как будто был осведомленнее остальных подмастерьев, особенно в том, что касается Библии и Евангелия; всех и каждого норовил он подавить своими аргументами. А в печатнях так уж принято: один другого там поддразнивает, и в этой печатне был один наборщик, превеликий шутник и знаток всяких добрых замысловатых дурачеств; вот он и сказал однажды монаху: «Болтаешь ты много, куда больше других подмастерьев, а сам не так уж силен в Священном писании. Если ты не против, я хотел бы провести с тобой небольшой диспут в воскресенье, когда мы не работаем, но при условии, что ни у тебя, ни у меня не будет никакого оружия или щита, кроме буквы, а другие подмастерья пусть слушают и судят». Монаху это было по душе, и они условились о диспуте.

Когда настало воскресенье и они уселись, монах запасся Библией, Евангелием и кое-какими другими книжонками, надеясь по ходу дела сослаться на букву Ветхого и Нового завета, а забавник подмастерье притащил с собой мешок, в котором было пять-шесть фунтов букв, в печатнях именуемых «шрифт». Диспут начался, и монах задал своему сопернику много возвышенных широковещательных вопросов, весьма заковыристых, как ему представлялось, а наборщик с неизменной усмешкой в ответ ерничал, и монах понял, что над ним издеваются, и, так как у монахов в обычаях делать все, что вздумается, вскочил и вцепился наборщику в волосы. Но наборщик тоже не дремал. Он вытащил свой мешок с буквами и принялся лупить монаха по голове и по чреслам, словом, куда ни попадя, пока монах не заорал «караул» и подмастерья не пришли к нему на помощь.

Так что монаху пришлось претерпеть унижение, кроме побоев, а подмастерья признали, что наборщик взял верх и монах побежден буквой. С тех пор он поутихомирился, и, как только начинал забываться, подмастерья грозили ему шрифтом и говорили: «Хочешь опять попробовать на себе букву?»

22

О КРЕСТЬЯНИНЕ, КОТОРЫЙ СПАЛ НАЯВУ

Два крестьянина были добрыми соседями, и дома их стояли близко друг от друга; однажды утром, но отнюдь не спозаранку, один крестьянин подошел к окну другого и постучался пальцем. А другой пока еще валялся за печкой, разленился и не хотел вставать; услышав стук в окно, он откликнулся громким голосом, рявкнув: «Кто там?» Сосед у окна ответил: «Это я. Что вы делаете, сосед Конрад?» Мужик в постели ответил: «Я лежу и сплю. Что вам угодно, соседушка?» Сосед у окна молвил: «Коли вы не спите, я хотел попросить у вас вашу телегу; а коли спите, я приду, как только вы проснетесь».

Не так уж много встретишь крестьян таких простодушных, как этот, полагавший: кто лежит в постели, тот спит.

23

ОБ ОДНОМ ВЕНЕЦИАНСКОМ ПРОХОДИМЦЕ, КОТОРЫЙ ПРИТВОРИЛСЯ МЕРТВЫМ, ЧЕМ И ЗАПЛАТИЛ ЗА КВАРТИРУ

В Венеции, как и во многих других городах и весях, полагается сначала платить за квартиру, а уж потом за все остальное. Многие тамошние кавалеры или господа имеют обыкновение сдавать дома внаем, и частенько можно там встретить домовладельца из благородных, которому дома приносят столько дохода, что сам он живет припеваючи. Был один проходимец, сам в прошлом хозяин, только негодный, изрядно накуролесивший на своем веку, и жил он четвертый год в доме,